

Барбара Кингсолвер
Лакуна

Barbara Kingsolver
The Lacuna

Барбара Кингсолвер Лакуна

Перевод с английского
Юлии Полещук

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
К41

This edition is published by arrangement with FRANCES GOLDIN LITERARY AGENCY, INC.
and SYNOPSIS LITERARY AGENCY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Кингсолвер, Барбара

К41 Лакуна: роман / БАРБАРА КИНГСОЛВЕР; пер. с английского Ю. ПОЛЕЩУК. —
Москва: АСТ: CORPUS, 2013. — 636 [4] с.

ISBN 978-5-17-079637-3

Герою “Лакуны” Гаррисону У. Шеперду выпала удивительная судьба: он смешивал штукатурку для Диего Риверы, дружил с Фридой Кало и работал секретарем Льва Троцкого в Мексике, а затем вернулся в США, откуда был родом, и стал знаменитым писателем. Его страстью были литература и кухня — казалось бы, что может быть безобиднее? Но не обязательно кого-то обижать, чтобы стать жертвой охоты на ведьм. Рассказывая о том, как дорого порой обходится верность себе и своему призванию, Барбара Кингсолвер исследует природу творчества, связь искусства и политики и механизмы массовых помешательств. А еще — напоминает о том, что “главный фрагмент любой истории — тот, которого не хватает”.

Кингсолвер — автор семи романов, а также сборников стихов, эссе и документальных произведений; ее книги переведены более чем на 20 языков и получили немало литературных наград. В России писательница известна своим бестселлером “Америка. Чудеса здоровой пищи”.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-079637-3

- © 2009 by Barbara Kingsolver. All rights reserved
 - © Ю. Полещук, перевод на русский язык, 2013
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ®

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

МЕКСИКА
1929–1931
11

ЧАСТЬ 2

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ
1932–1934
113

ЧАСТЬ 3

САН-АНХЕЛЬ И КОЙОАКАН
1935–1941
153

ЧАСТЬ 4

АШВИЛЛ, СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА
1941–1947
335

ЧАСТЬ 5

АШВИЛЛ, СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА

1948–1950

545

РАЗРОЗНЕННЫЕ ФРАГМЕНТЫ,

МОНТФОРД

ИЮНЬ 1949 — ЯНВАРЬ 1950 ГОДА

579

ЭПИЛОГ, 1959 ГОД

617

Историческая справка

Все статьи и заметки из “Нью-Йорк таймс” приводятся в тексте в том виде, в котором были опубликованы изначально. Перепечатано с разрешения корпорации “Таймс”.

ДИЕГО РИВЕРА. *“Ривера по-прежнему восхищается Троцким и сожалеет, что они разошлись во мнениях”*. 15 апреля 1939 года.

“США отказались принять тело Троцкого; советское правительство объявило его предателем”. 25 августа 1940 года.

“Арестован 2541 иностранец — подданный фашистской Германии и стран-союзников”. 13 декабря 1941 года.

СЭМЮЭЛ Э. ТАУЭР. *“Глава комиссии по расследованию заявил, что в Голливуде обнаружено 79 подрывных элементов”*, 23 октября 1947 года; *“Скотт заявил о связи Трумэна с коммунистами”*. 26 сентября 1948 года.

Фрагменты следующих статей также использованы с позволения правообладателей.

ЭНТОНИ СТАНДЕН. *“Японские жуки: прожорливые, хищные полчища”*. “Лайф”, 17 июля 1944 года.

“Битва при Пикскилле”. “Лайф”, 19 сентября 1949 года.

ФРЭНК ДЕСМОНД. *“Маккарти обвинил коммунистов в том, что они занимают американские рабочие места”*. “Уилинг интеллидженсер”, 10 февраля 1950 года.

Все остальные газетные статьи в романе выдуманы. Образы и высказывания исторических лиц соответствуют действительности, но их разговоры с главным героем, Гаррисоном Шепердом, вымышлены от начала до конца: это художественное произведение.

Автору также хотелось бы отметить книги, принесшие неоценимую пользу в работе над романом: Ален Дюгран, *“Троцкий в Мексике, 1937–1940”* (Манчестер, Англия: “Карканет”, 1992); Лев Троцкий, *“Моя жизнь: попытка автобиографии”* (Нью-Йорк, Патфайндер пресс, 1970); *“Дневник Фриды Кало: личный автопортрет”* (Нью-Йорк: Гарри Н. Абрамс, 2005); Малка Друкер, *“Фрида Кало: мучение и триумф”* (Альбукерке, издательство Университета Нью-Мексико, 1995); Хейден Херрера, *“Фрида: биография Фриды Кало”* (Нью-Йорк, “Харпер энд Роу”, 1983); Уолтер Бернстайн, *“Наизнанку: мемуары изгоя”* (“ДеКапо”, 2000); Уильям Манчестер, *“Слава и мечта”* (Бостон, “Литтл, Браун”, 1973); Марта Норберн Мид, *“Ашвилл: в стране небес”* (Ричмонд, Виргиния, “Диетц пресс”, 1942); Эрнандо Кортес, *“Пять писем Кортеса императору”*, перевод Дж. Байярда Морриса (Нью-Йорк, “Нортон”, 1969). Также хочу поблагодарить наследников Льва Троцкого, Долорес Ольмедо, Фриды Кало и Диего Риверы за доступ в их дома и архивы. *Gracias* Го-

сударственному институту антропологии и истории (*Instituto Nacional de Antropología e Historia, INAH*) за неусыпную заботу о сокровищах мексиканской истории (в особенности фресках Риверы) и терпение к общественному вниманию. И наконец, особая благодарность Марии Кристине Фонтес, Джуди Кармайл, Терри Картен, Монтсеррат Фонтес, Сэму Столоффу, Элен Гейгер, Фрэнсис Голдин, Мэтту Макгауэну, Соне Норман, Джиму Малузе, Фентону Джонсону, Стивену Хоппу, Лили и Камилле Кингсолвер.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕКСИКА

1929—1931

(В. Б.)

Исла-Пиксол, Мексика, 1929

В начале были ревуны. Они всегда раздражались воплями в первый час рассвета, когда кромка неба только принималась светлеть. Начиналось всегда с одного-единственного, чьи натужные мерные стоны, напоминавшие визг пилы, будили остальных. Они подхватывали жуткий мотив, и гомон, вырывавшийся из их малиновых глоток, плыл над деревьями, эхом прокатывался по пляжу, пока наконец не охватывал все джунгли. Так было вначале, и так было каждое утро на земле.

Мальчик и его мать верили, что на деревьях верещат демоны с круглыми как плоски глазами, исчадия ада, дерущиеся за право жрать людскую плоть. Первый год после переезда в Мексику к Энрике они каждое утро просыпались, перепуганные ужасным воем. Иногда мать пробегала по выложенному плиткой коридору в комнату сына, появлялась в дверях с распущенными волосами и забиралась к нему под одеяло. Ноги у нее были ледяные, точно мороженая рыба; мать плотно укутывала себя и сына вязаным покрывалом, словно паутиной, и они лежали, прислушиваясь.

Вообще-то они должны были жить как в сказке. Именно это мать обещала мальчику в холодной комнатухе в Виргинии: если они убегут с Энрике в Мексику, она станет невестой богатого человека, а ее сын — юным сквайром, хозяином гасиенды, окруженной полями ананасов. Остров со всех сторон охватывала блестящая лента моря, точно обручальное кольцо, а дальше, на материке, таилось сокровище — нефтяные промыслы, на которых Энрике сколотил состояние.

Но сказка обернулась “Узником Зенды”¹. Мальчик не превратился в юного сквайра, а его мать спустя много месяцев так и не стала невестой. За завтраком их тюремщик, Энрике, холодно взирал на искаженные ужасом лица своих пленников. “Это вопят *aullaros*”, — бросал он, унизанными серебром пальцами вытаскивал из серебряного кольца белую салфетку, клал ее на колени, брал нож и вилку и принимался за еду. — Кричат друг на друга, потому что делят угоды, прежде чем отправиться за добычей”.

“Их добычей можем стать мы”, — дружно думали мальчик и его мать, когда лежали, съезжившись, под паутиной покрывала и вслушивались в нарастающий гортанный вой. “Запиши-ка ты все это в свой блокнот, — говорила мама, — историю того, что случилось с нами в Мексике. Когда от нас останутся одни кости, хоть кто-то узнает, куда мы делись”. Она же подсказала первую фразу: “Вначале были *aullaros*, жаждущие нашей крови”.

Энрике жил в этой гасиенде всю жизнь — с тех самых пор, как его отец построил ее и побоями заставил индейцев посадить поля ананасов. Юный Энрике с детства осознал пользу страха, и прошел почти год, прежде чем он ска-

1 “Узник Зенды” — роман английского писателя Энтони Хоупа (1863–1933).

2 Обезьяны-ревуны (исп.).

зал им правду: вопят всего-навсего обезьяны. Говоря это, он даже не потрудился взглянуть на них, не оторвал глаз от тарелки с яичницей — лишь презрительно усмехнулся в усы, не скрывавшие его кривой улыбки. “Это знает любая деревенщина. И вы бы знали, если бы утром выходили прогуляться, а не валялись в постели, точно два ленивца”.

Оказалось, это правда: кричали действительно длиннохвостые обезьяны, питающиеся листьями. Как этим заурядным созданиям удавалось исторгать столь дикие вопли? Но так оно и было. Мальчик рано утром ускользал из дома и научился узнавать их, спрятавшихся высоко в ветвях деревьев на фоне белого неба. Скрюченные мохнатые фигурки, раскачивающиеся из стороны в сторону и ухитряющиеся сохранять равновесие, хвостами перебирали ветки, точно гитарные струны. Некоторые обезьяны баюкали детенышей, рожденных на опасной высоте и обреченных цепляться за жизнь.

Выходит, никаких лесных демонов не существует. А Энрике вовсе не злой король, а самый обычный человек. Он походил на крошечного жениха со свадебного торта: та же круглая голова с лоснистыми волосами, расчесанными на пробор, те же усики. Но мать мальчика не была невестой, а уж для фигурки ребенка на пироге и вовсе не было места.

Чтобы подразнить мальчика после этой истории, Энрике даже не приходилось ничего говорить: он просто поднимал взгляд на деревья. “Единственный злой дух здесь — ребенок со слишком богатым воображением”, — говаривал он. Эта фраза, точно математическая задача, доставила мальчику немало головной боли. Он никак не мог определить, какая из частей уравнения неверна: то ли то, что он еще ребенок, то ли его богатое воображение. Энрике считал, что успешному дельцу оно не нужно.

А вот другое начало для истории, и это тоже правда.

Рыбы живут по тем же законам, что и люди: стоит показаться акуле, как они бросаются врассыпную, оставляя вас на произвол судьбы. Трусливое сердце заставляет тех и других сбиваться в стаи и бежать от опасности еще до ее появления. Как-то они ее чувствуют.

В глубине океана скрывается безлюдный мир. Волны катятся над головой, а ты неторопливо плывешь среди пурпурных деревьев в коралловом лесу, над которым восходит светило из сверкающих рыбок. Солнечные лучи пронзают толщу воды, точно огненные стрелы, касаются чешуйчатых боков, подпаляют плавники. В косяке тысячи рыб, но они всегда движутся вместе, словно одно огромное, блестящее и хрупкое существо.

Все создания этого мирка совершенны, кроме одного, которое не может дышать под водой. Болтаясь в серебристой вышине, как большая уродливая марионетка, мальчик зажимает нос. Травинки волос покрывают его руки. Водянистый свет бросает отблеск на покрытую мурашками бледную кожу, непохожую на чешуйчатый покров водяного, каким пришелец хочет быть. Рыбы мечутся вокруг него, и мальчик чувствует себя одиноко. Он понимает: глупо маяться одиночеством лишь потому, что ты не рыба, — но ничего не может с собой поделать. И все-таки не уходит, плененный царящим под водой оживлением: ему хочется поселиться в их городе, и чтобы вокруг кишел яркий, текущий мир. Блестящий косяк приближается с одной стороны и выплывает с другой — скопище пятен,двигающихся, словно большое живое существо. Стоит набежать тени, как рыбы поворачивают вспять, сливаясь в плотную, безопасную стаю и бросая мальчика снаружи.

Кто научил их спасаться, бросая его на съедение? У рыб собственный бог, кукловод, управляющий их единым созна-

нием; его нити протянуты к каждому сердцу в этом тесном мирке. Ко всем сердцам, кроме одного.

Мальчик открыл для себя мир рыб после того, как Леандро дал ему очки для подводного плавания. Повар Леандро сжалился над тощим долговязым парнишкой-американцем, которому день-деньской нечем себя занять, кроме как рыскать среди скал на берегу, делая вид, будто охотится. Очки были сделаны из резины и деталей летных очков; в них были вставлены стеклянные линзы. Леандро сказал, ими пользовался его брат, пока был жив, и объяснил, что, прежде чем их надеть, нужно плюнуть на стекла, тогда очки не запотеют. — *Andele*¹. Давай иди в воду, — подбодрил он. — Тебя ждет сюрприз.

Бледнокожий мальчишка, дрожа, стоял по пояс в воде и думал, что ни в одном языке мира нет слов ужаснее, чем “тебя ждет сюрприз”. После них все меняется. Когда мать ушла от отца (шумно, переколотив немало посуды о стены) и увозила сына в Мексику, не оставалось ничего, кроме как ждать в коридоре холодного дома, пока тебе обо всем расскажут. Перемены никогда не бывают к лучшему: сели на поезд, только что отец был — и вот его уже нет. Дон Энрике из консульства в Вашингтоне, потом Энрике в материнской спальне. Все меняется в ту самую минуту, когда дрожишь в коридоре и ждешь, чтобы юркнуть из одного мира в другой.

А теперь, после всего, еще и это: стоишь по пояс в воде, нацепив очки для плавания, а с берега на тебя смотрит Леандро. Подошли несколько деревенских мальчишек, размахивая загорелыми руками, в которых сжимали длинные ножи для ловли устриц. Белый песок, точно светлые мокасины, покрывал их ступни. Ребята остановились посмотреть на него,

¹ Иди (*исп.*).

замерли на месте, ожидая, что будет. Ему не оставалось ничего другого, кроме как набрать в грудь побольше воздуха и окунуться в океан.

И — боже мой! — обещание сбылось: там оказался целый мир. Рыбы сумасшедших расцветок, пятнистые и полосатые, золотистые и с голубыми головами. Целые семьи рыб, общество, зависшее в подводном царстве, сующее острые носы в кораллы. Рыбы ткнулись в пару волосатых стволов, его ноги, которые для них были не более чем деталью пейзажа. Мальчик напрягся — до того был напуган, но счастлив. Больше он не станет бездумно плескаться в волнах. Не станет думать, будто океан — это только вода.

Он не вылезал на берег весь день, пока краски не потемнели. К счастью, его матери и Энрике было что выпить на террасе с гостями-американцами; выпуская в воздух синие струйки сигарного дыма, они обсуждали убийство Обрегона¹ и то, что теперь некому остановить реформы, пока эти *indios*² не захапали всю землю. Если бы не мескаль с лаймом, мать быстро устала бы от серьезных мужских разговоров и задумалась, не утонул ли ее сын.

Но пока что это волновало только Леандро. На следующее утро, когда мальчик пришел на кухню посмотреть, как готовят завтрак, повар сказал:

— *Picaro*³, ты за это поплатишься. За каждое преступление человек несет наказание.

Леандро весь день боялся, что очки, которые он принес, стали орудием смерти. Наказание не замедлило явиться в виде солнечного ожога размером с черепаху, горячего как

1 Альваро Обрегон (1880–1928) — мексиканский государственный и военный деятель, в 1920–1924 годах — президент Мексики.

2 Индейцы (*исп.*).

3 Бессовестный, плут, пройдоха, мошенник (*исп.*).

огонь. Когда преступник задрал ночную рубашу, чтобы показать обгоревшую кожу на спине, Леандро рассмеялся. Сам он был коричневый, как кокос, и ему не приходило в голову, что на солнце можно обгореть. Но в тот раз он сказал не *“usted pagaré”*¹, как слуга должен обращаться к господину. Он произнес *“tu pagarás”*², ты заплатишься, как другу.

Преступник не сдавался:

— Ты сам дал мне эти очки, значит, это ты виноват.

И снова почти весь день не вылезал из воды и сжег спину до корки, как шкварки на сковородке. Вечером Леандро натирал его топленным салом, приговаривая:

— *Picaro*, сорванец, как тебе не стыдно безобразничать?

*No seas malo*³, интимное “ты”, как друг, любовник — или же взрослый ребенку. А кто именно из них — непонятно.

В субботу перед Страстной неделей Саломее захотелось выбраться в город послушать музыку. Сыну тоже пришлось ехать: нужно же ей было виснуть на чьем-то локте, фланируя по площади. Она предпочитала называть мальчика вторым именем, Уильям или просто Уилл, что звучало как крик боли. Хотя в ее устах скорее напоминало скрип колеса — вещи, которая служит человеку, но только когда движется. Мать звали Саломея Уэрта. В молодости она сбежала в Америку и стала Салли, какое-то время была Салли Шеперд, но ничто не вечно под луной. С американкой Салли было покончено.

В тот год — последний в гасиенде на Исла-Пиксол, хотя никто еще об этом не знал, — Саломея беспрестанно

1 Вы заплатитесь (*исп.*).

2 Ты заплатишься (*исп.*).

3 Не шали (*исп.*).

на что-то обижалась. Сегодня же надулась потому, что Энрике не собирался гулять с ней по площади, просто чтобы похвастаться платьем. У него было слишком много работы. Это значило, что он будет сидеть в библиотеке, то и дело проводя пальцами по прилизанным волосам, потягивать мексаль и потеть под воротничком, склонившись над колонками цифр. Так он узнавал, сколько у него прибыли на этой неделе: то ли вагон, то маленькая тележка.

Саломея надела новое платье, нарисовала губы дугой, взяла сына за руку и пошла в город. Сперва они почуяли запах площади: жареные стручки ванили, конфеты из кокосового молока, свежесваренный кофе. Площадь кишмя кишела прогуливавшимися парочками, чьи руки переплетались, точно вьющиеся стебли, душащие ствол дерева. Девушки разрядились в полосатые шерстяные юбки и кружевные блузки; рядом с ними вышагивали ухажеры с тонкой талией. Дух фиесты, заключенный в прямоугольник: на столбах по углам висели четыре длинные гирлянды электрических ламп, обрамлявшие светлое пятно в ночи над головами гулявших.

Над коваными балконами подсвеченной снизу гостиницы и прочих зданий на площади, точно брови, лежали тени. Приземистый собор казался выше, чем на самом деле; он угрожающе маячил во мраке, словно человек, со свечой в руках вошедший в темную спальню. Музыканты расположились в небольшом круглом бельведере, остроконечную крышу и кованые перила которого недавно побелили вместе со всем, что было на площади, включая исполинские старые смоковницы. Их стволы сияли в темноте, но только до определенного уровня, как будто прокатившаяся по городу волна побелки оставила на деревьях отметку паводка.

Казалось, Саломее нравится плыть по площади в потоке людей, несмотря на то что в своих изящных туфлях из кожи

ящерицы и щегольском креповом платье, открывавшем ноги, она выглядела чужой. Толпа расступалась перед ней. Наверно, ей льстило быть единственной зеленоглазой испанкой среди индейцев — или, скорее, креолкой: мексиканкой по рождению, но не по крови. Ее голубоглазый сын, наполовину американец, куда меньше радовался своему положению высокого сорняка, пробившегося посреди широколицых горожан. Оба они стали бы неплохой иллюстрацией для книги о классах общества — темы, популярной в учебниках тех лет.

— На будущий год, — произнесла Саломея по-английски, стискивая его локоть цепкой крабовой клешней любви, — ты придешь сюда со своей девушкой. Это последняя *Noche Palmas*¹, когда ты вынужден таскаться со своей старой перечницей. — Ей нравилось вставлять в речь жаргонные словечки, особенно в присутствии других. — Решено и подписано, — заявляла она, отгораживая их обоих этими словами от толпы и захлопывая за собой дверь.

— Не будет у меня никакой девушки.

— Тебе через год четырнадцать. Ты уже выше президента Портес Хиля². Почему же у тебя не будет подружки?

— Портес Хиль даже не президент. Его назначили из-за убийства Обрегона.

— А может, тебе тоже повезет, после того как первый *novio*³ какой-нибудь девушки получит от ворот поворот. Неважно, как именно ты добьешься своего, малыш. Главное — она станет твоей.

— На будущий год, если захочешь, этот город станет твоим со всеми потрохами.

¹ Ночь накануне Пальмового воскресенья (исп.).

² Эмилио Портес Хиль — мексиканский государственный деятель.

³ Жених (исп.).

— А у тебя появится подружка. Вот и все, что я хочу сказать. Ты уйдешь и бросишь меня одну. — Саломея гнула свое. И переубедить ее было очень сложно.

— А если тебе здесь не понравится, мама, ты уедешь куда-нибудь еще. В какой-нибудь красивый город, где у людей есть развлечения получше, чем описывать круги по площади.

— А ты, — не сдавалась Саломея, — ты заведешь подружку. — Она сказала это так, словно речь шла о какой-то определенной девушке. И та уже стала ей врагом.

— Тебе-то о чем беспокоиться? У тебя есть Энрике.

— Ты так брезгливо произносишь его имя, будто это какое-то постыдное заболевание.

Перед кованным помостом для музыкантов толпа освободила место для танцев. Старики в сандалиях неуклюже обнимали за бока своих похожих на кадушки жен.

— Как бы то ни было, мама, на следующий год ты еще не будешь старой.

Она положила голову ему на плечо. Он победил.

Саломею раздражало, что сын ее перерос: заметив это впервые, она впала сперва в ярость, потом в отчаяние. Согласно ее формуле жизни, это значило, что она на две трети мертва. “Первая часть жизни — детство. Вторая — детство твоих детей. А третья — старость”. Еще одна математическая задача, не имеющая правильного ответа, в особенности для ребенка. Расти вниз, родиться обратно — вот было бы решение.

Они остановились, чтобы послушать стоявших на сцене красавцев мариачи, которые, вытянув губы, слились в долгом поцелуе со своими трубами. Сбоку по облегающим черным брюкам музыкантов тянулись ряды серебряных пуговиц. Площадь была запружена народом; с ананасных полей прибывали все новые мужчины и женщины, чьи ноги по-

прежнему покрывала пыль дневных трудов. Они выходили из темноты в квадрат электрического света. Некоторые устраивались у плоской каменной груди церкви прямо на голой земле, расстелив одеяло, где могли усесться, прислонясь спиной к прохладным камням, отец и мать, а рядом с ними спали укутанные младенцы. Это были торговцы, пришедшие в город на Страстную неделю; на каждой из женщин было платье ее деревни. На южанках были странные юбки, похожие на тяжелые складчатые одеяла, и тонкие блузки из вышивки и лент. Они носили их и на Страстной неделе, и на Пасху, и во все остальные дни — хоть на свадьбу, хоть в свинарник.

Женщины принесли пучки пальмовых ветвей и теперь развязывали их, разделяя листья. Всю ночь их руки будут снова в темноте, сплетая полосы листьев в неожиданные фигурки, напоминающие о воскресении из мертвых: кресты, венки из гладиолусов, голуби Святого Духа, даже сам Христос. Все это надо своими руками изготовить за ночь к запрещенной мессе Пальмового воскресенья, а после сжечь, потому что все эти предметы объявлены вне закона. И священники вне закона, и месса — все запретила Революция.

Ранее в тот год в город въехали кристерос¹; на груди у них, точно бусы, висели патроны. Всадники прогалопировали по площади в знак протеста против закона, запрещавшего священникам служить. Девушки приветствовали наездников радостными криками, бросали цветы, как будто сам Панчо Вилья восстал из мертвых и сел на коня. Коленопреклоненные старухи раскачивались с закрытыми глазами, обнимая кресты и целуя их, точно детей. Завтра все эти крестыане понесут свои тайные предметы поклонения в храм,

¹ *Кристерос* — самоназвание повстанцев, в 1926–1929 годах боровшихся с мексиканским правительством против конституции 1917 года, направленной на ограничение роли римско-католической церкви в стране.

где нет священника, сами зажгут свечи и вознесут общую молитву. Словно косяк рыб, движимый благочестием, ради спасения души готовый презреть закон. А после пойдут домой и уничтожат улики.

Было уже поздно, и супружеские пары уступили место для танцев молодежи — девушкам, в чьи густые косы, венками уложенные вокруг головы, были вплетены красные нити. Белые платья взбивались пеной, а юбки были так широки, что девушки могли поднять их над головой за края подола и помахать ими, точно бабочки крыльями. Высокие каблуки мужских сапог со стуком взрывали землю, как копыта жеребцов в стойле. Когда музыка умолкала, юноши склонялись к партнершам, как животные перед случкой. То отойдут на шаг, то подадутся вперед. Девушки поводили плечами. Мужчины зажимали под мышками платки, а потом махали ими перед подбородками партнерш.

Саломея решила, что хочет немедленно вернуться домой.

— Но тогда нам придется идти пешком. Ты же сама сказала Нативидаду, чтобы он приехал за нами в одиннадцать.

— Значит, пойдем пешком, — настаивала мать.

— Подожди полчасика. Иначе придется идти пешком в темноте. Нас могут убить бандиты.

— Никто нас не убьет. Все бандиты на площади, пытаются стащить кошельки. — Саломея умудрялась рассуждать трезво, даже когда впадала в истерику.

— Ты же ненавидишь ходить пешком.

— Больше всего я ненавижу смотреть, как всякая деревенщина пускает друг другу пыль в глаза. Корова — она и в платье корова.

Тьма опустилась на город, точно завеса. Наверное, кто-то выключил свет. Толпа выдохнула. Девушки-бабочки поставили свечи в стаканчиках на свои увенчанные косами головы.

Когда они танцевали, огоньки плыли по невидимой глади, как отражение луны в озере.

Саломее так не терпелось поскорее очутиться дома, что она заблудилась. Догнать мать было не так-то просто.

— Индианки, — бросила она презрительно. — Какой мужчина польстится на них? Если слаще кукурузы в жизни ничего не ела...

Танцовщицы были бабочками. Саломея за сто шагов видела грязь под ногтями девушек, но не их крылья.

Энрике был уверен, что нефтяники обязательно договорятся. Но, вероятно, на это потребуется время. Они приехали на Исла-Пиксол с женами и остановились в городе. Энрике попытался уговорить их перебраться в гасиенду: гостеприимство сыграет в его пользу во время переговоров. “Гостиница допотопная. А лифт вы видели? Птичья клетка, висящая на цепочке от часов. Комнаты меньше портсигара”.

Саломея стрельнула в него глазами: откуда ему это знать?

Жены были коротко стриженные, в модных платьях, но все вступили в третью стадию того, что Саломея называла “тримя частями жизни”. А то и в четвертую. После обеда, пока мужчины курили в библиотеке тукстланские сигары, женщины с напوماженными, завивающимися у щек локонами, в туфлях на острых каблучках и шляпках, приколотых от ветра булавками, вышли на мощеную плиткой террасу. С бокалами красного вина в руках они смотрели на залив, размышляя о царящем под водой безмолвии. Дамы сошлись на том, что “водоросли качаются, как пальмы. Тихо, как в могиле”.

Мальчик, сидевший на низкой стене на краю террасы, подумал: “Вот бы расстроились эти попугаихи, узнай они,

что там так же шумно, как и везде. Непривычно, но не тихо. Как в загадочном мире из романов Жюль Верна, где кипит собственная, ни на что не похожая жизнь и его обитателям нет дела до того, что происходит за его пределами. Часто он отгонял пузырьки воздуха от ушей и просто вслушивался, дрейфуя, в бесконечный хор тихих скрипов и щелчков.

— В чем разница, — на следующий день спросил он у Леандро, — между шумом и разговором?

Саломея еще не успела запомнить имени Леандро и называла его “новый повар”. Последняя *galopina*¹ была смазливая девица по имени Офелия; Саломея прогнала ее, потому что та слишком нравилась Энрике. Леандро занимал больше места: он стоял, расставив босые ноги, твердо, как оштукатуренные колонны, поддерживавшие черепичные крыши над галереями этого коричневатого-желтого дома. Вдоль прохода между кухней и домом тянулся ряд тюльпанных деревьев в больших терракотовых кадках. Леандро, как дерево, большую часть дня стоял на кухне: своим мачете резал на высоком рабочем столе чайот, чистил кровати или варил *sopa de milpa* — суп из зерен кукурузы с нарезанными кубиками цветами тыквы и авокадо. Делал суп шочитль с курицей и овощами на мясном бульоне. Салаты из кактусов нопаль с кориандром и авокадо. Рис он варил с какими-то сладкими приправами.

Каждый день он говорил: “Хватит мешать, возьми нож”. Но с улыбкой, не так, как Саломея с ее “Как тебе не стыдно, вымой ноги, грязнуля, не тащи в дом песок”.

На вопрос о различии между разговором и шумом Леандро ответил:

— *Ca depende*².

¹ Кухарка (исп.).

² Зависит от обстоятельств (исп.).

— От чего?

— От намерения. Хочет ли рыба, чтобы другие ее поняли. — Леандро устремил серьезный взгляд на гору креветок, как будто у тех могло появиться последнее желание перед казнью. — Если рыба лишь хочет показать, что она здесь, то это шум. А может, они говорят друг другу: “Плыви отсюда” или “Это мой корм, а не твой”.

— Или, например, “как тебе не стыдно, грязнуля”.

Леандро рассмеялся, потому что по-испански это прозвучало забавно: “*Si nombre es lodo*”¹.

— *Exacto*², — согласился он.

— Значит, для другой рыбы это разговор, — резюмировал мальчик. — А для меня это шум.

Леандро нужна была помощь: приходилось кормить слишком много ртов, американцы любят поесть. К тому же был день рождения Саломеи, и она потребовала кальмаров. У жен нефтяных магнатов вылезут от изумления глаза под шляпками-колоколами, когда они увидят кальмара *a la Veracruzana*³. А мужчины за разговорами проглотят щупальца, даже не заметив. Они рассказывали, как их наемники подавили восстание в Соноре и прогнали Эскобара, точно шелудивого пса. И чем больше мескаля лилось в их бокалы, тем быстрее бежал Эскобар.

После ужина Леандро сказал: “*El flojo trabaja doble*”, лентяй делает двойную работу, потому что мальчик, пытаясь унести на кухню всю посуду разом, уронил на пол две белые тарелки, и они разбились вдребезги. Повар оказался прав: подместиť оказалось в два раза дольше, чем еще раз сходить на кухню. Но Леандро вышел и помог убрать беспоря-

¹ Букв.: его имя — грязь (*исп.*).

² Именно, верно (*исп.*).

³ По-веракрусски (*исп.*).

док; американцы глазели, как он, стоя на коленях, собирает осколки, и брюзжали, что прислуга во всех странах одинаково неуклюжа.

После этого Саломея попыталась заставить всех танцевать. Она завела граммофон “Виктрола” и помахала мужчинам бутылкой мескаля, но они отправились спать, оставив ее порхать по гостиной, точно воздушный шар, который выпустили из рук. Был день ее рождения, но даже сын, которому она подарила жизнь, отказался с ней потанцевать.

— Уильям, ради бога, ты такой зануда, — отрезала она.

Вечно уткнет нос в книгу, скучный, как погашенная марка. “Жердь, сопляк, зануда”, — вот лишь некоторые из ругательств, приходивших в голову Саломее, когда она перебирала лишнего. После этого он все-таки попытался с ней потанцевать, но было поздно. Мать еле держалась на ногах.

Мужчины поговаривали, что Саломея неприступная. Роскошная цыпочка, первый сорт, красotka. А еще вертихвостка. Так один из нефтяных магнатов сказал жене, пока остальные были на улице. Объяснил ситуацию. “Вертихвостка” означало “есть муж в Америке”. До сих пор не получила развода — какой-то бедолага из Вашингтона, счетовод в правительстве США. Она у него под носом закрутила роман с этим мексиканским атташе, тогда ей было, вероятно, не больше двадцати пяти, и уже с ребенком. Оставила мужа без гроша. Поосторожнее с этой штучкой Саломеей, предостерег он жену. Она себе на уме.

На *Cinco de Mayo*¹ в деревне устраивали фейерверки в память победы над Наполеоном в битве при Пуэбла. У Саломеи бо-

1 Пятое мая (исп.).

лела голова — последний подарок на день рождения, — и она весь день пролежала в своей крохотной спальне в конце коридора. Мать называла ее “Эльбой”, местом своего изгнания. Энрике последнее время рано уходил спать и закрывал тяжелую дверь своей комнаты. Сейчас шум раздражал Саломею. Она пожаловалась, что, если уж на то пошло, сегодня на площади взрывы раздаются чаще, чем когда отбивали атаку на наполеоновских войск.

Мальчик не пошел в город на праздник. Он знал, что в конце концов наполеоновские генералы вернулись, захватили Санта-Ану и правили Мексикой примерно до 1867 года — достаточно долго для того, чтобы местное население заговорило по-французски и привыкло носить облегающие брюки. Ему нужно было дочитать книгу об императоре Максимилиане, которую мальчик взял у Энрике в библиотеке. Такой план обучения придумала для него Саломея — чтение заплесневелых книг, — потому что на Исла-Пиксол не было подходящей школы для мальчика, который уже перерос самого президента Портес Хиля. Но лучше всего читалось не в доме, а в лесу. Под деревом возле устья реки, в двадцати минутах ходьбы по тропинке от дома. Книга о Максимилиане была слишком большой, поэтому вместо нее разумнее было брать с собой “Загадочное происшествие в Стайлзе”¹.

У стволов самых высоких фикусов были подпорки, похожие на паруса; они разделяли углубления, занавешенные листьями папоротника и пачулей. Пансион для стрекоз и дроздов; как-то раз мальчик обнаружил там даже свернувшуюся кольцом змейку. Основания стволов многих деревьев в этом лесу были шириной с хижины в деревне Леандро, а ветки

¹ “Загадочное происшествие в Стайлзе” — роман Агаты Кристи.

росли так высоко, что их не было видно. Неизвестно, кто там обитал. Когда-то на них ревели обуреваемые жаждой крови демоны с круглыми как блюдца глазами, но, быть может, эти ветки служили всего лишь балконами обезьяньих гостиниц и гнездовьями для птичек оропендол, чье воркование напоминало журчанье воды, льющейся из жестяной фляги.

Вдоль стен библиотеки Энрике тянулись деревянные книжные шкафы. В комнате не было окон, только полки, забранные спереди железными решетками, точно окна тюрьмы. Запертые шкафы, битком набитые книгами. Прямоугольные отверстия между сварными прутьями были достаточно широки, чтобы тонкокостный мальчишка с длинными пальцами мог просунуть руку, словно в железный браслет. Он касался книг, трогал их корешки, как Эдмон Дантес из “Графа Монте-Кристо” в тюрьме гладил лицо своей невесты, которая пришла его проводить. Он мог осторожно вытащить книгу с переполненной полки и, просунув обе руки сквозь решетки, перевернуть и рассмотреть обложку, иногда даже приоткрыть, если хватало места. Но вынуть из шкафа — не мог. На решетках висели железные замки.

Каждое воскресенье Энрике приносил ключ, открывал шкаф и доставал ровно четыре книги, которые без разговоров оставлял на столе. Все они были по истории, воняли плесенью и должны были чему-то научить мальчика. Иногда среди них попадались неплохие — “Зозобра”¹ или “Цыганское романсеро”², стихотворения молодого человека, кото-

1 “Зозобра” — цикл стихов мексиканского поэта Лопеса Веларде Рамона (1888–1921).

2 “Цыганское романсеро” — цикл стихов Федерико Гарсиа Лорки.

рый любил цыган. Сервантес был небезнадежен, но приходилось продираться сквозь какой-то старинный испанский. Проведя с Дон Кихотом всего неделю, прежде чем вернуть его в обмен на новую стопку книг, мальчик почувствовал, будто подглядывал сквозь замочную скважину.

Но, как бы то ни было, ни одна из этих книг не продержалась бы и восьми минут против Агаты Кристи и прочих романов, которые он привез с собой, когда они приехали сюда на поезде. Мать разрешила ему взять всего два чемодана: один с книгами, другой с одеждой. Если уж на то пошло, вещи брать вообще не стоило: он быстро вырос из них. Надо было взять два чемодана книг. “Загадочное происшествие в Стайлзе”, “Граф Монте-Кристо”, “Вокруг света за восемьдесят дней”, “Двадцать тысяч лье под водой”, книги на английском, которые не пахли плесенью. Большую часть он уже не раз перечитал. “Три мушкетера” зывали к нему, размахивая шпагами, но мальчик неизменно убирал их назад в чемодан. Что останется, если он прочитает все книги? Ночами он не смыкал глаз, со страхом думая об этом.

Саломея смутно представляла себе настоящую школьную программу, да и он, признаться, припоминал учебу с трудом: пробирающийся до костей холод, шерстяные пальто, грубые мальчишки и спорт — ужасная штука, которой заставляли заниматься каждый день. Одна дама в коричневом свитере давала ему книги, и это было самое приятное воспоминание о доме. Но то место, где они жили сейчас, домом не назовешь. Саломея повторяла: “Раз уж мы здесь и школы тут нет, придется тебе прочесть все книги в этой чертовой библиотеке. Если, конечно, нас не прогонят”. В противном случае ее план становился еще более расплывчатым.

В библиотеке частенько воняло, если нефтяные магнаты весь вечер курили там сигары. Саломея на дух не перено-

сила сигары и мужские разговоры. А также запертые книги, о чем бы они ни были, и тощих высоких мальчишек, чересчур погруженных в чтение. Но все равно купила сыну блокнот в лавке у паромного причала — в тот день, когда они попытались сбежать от Энрике и плакали, потому что идти им было абсолютно некуда. Саломея бессильно сидела на железной скамье в своем креповом платье; плечи ее вздрагивали. Все это продолжалось так долго, что мальчик отошел к витрине табачного киоска и принялся листать журналы. Там-то он и заметил блокнот в картонной обложке, самую прекрасную книгу на свете, потому что она могла стать чем угодно.

Пока он разглядывал блокнот, сзади подошла Саломея, положила подбородок ему на плечо, вытерла щеку тыльной стороной ладони и сказала: “Что ж, мы его берем”. Продавец аккуратно завернул покупку в коричневую бумагу и перевязал бечевкой.

Вот история, начать которую попросила мать, — рассказ о том, что случилось в Мексике до того, как ревуны сожрали их с костями. Позже она много раз меняла решение и просила его перестать писать. Это ее раздражало.

Вечером, после того как они сбежали, купили блокнот и, стоя на пирсе, поели вареных креветок из бумажного кулька, глядя на отчаливавшие паромы, они, конечно же, вернулись к Энрике. Они были пленниками острова, как граф Монте-Кристо. У гасиенды были тяжелые двери и толстые стены, весь день сохранявшие прохладу; сквозь окна всю ночь напролет был слышен шум моря — “ш-ш-ш, ш-ш-ш”, точно биеение сердца. Мальчик похудеет здесь так, что останутся кожа да кости, а когда книги закончатся, будет голодать.

Или нет, не будет. Блокнот из табачного киоска давал надежду, для узника — план побега. Пустые страницы станут книгой обо всем на свете, волшебной, бесконеч-

ной, словно море ночью, биением сердца, которое никогда не остановится.

Саломею не пугало, что кончатся книги: она боялась, что ее одежда выйдет из моды. “На этом острове ничего не купишь. Разве что он хочет, чтобы я, как эти коровы, носила юбки до пола”. В прошлом году чемодан с ее лучшими платьями отправили почтой из Вашингтона, если верить адвокату, который вел дела. Но, похоже, и чемодан, и решение о разводе потерялись в пути. Энрике предполагал, что однажды они все-таки получат чемодан, *ojalá*¹, если на то будет Божья воля. В том смысле, что, если Господь против, сапатисты² захватят и ограбят поезд. “Подумать только! — воскликнул мальчик. — Я прямо вижу, как сапатисты с пистолетами на поясе читают у костра мисс Агату Кристи, едят с маминых лиможских тарелок и расхаживают в ее пеньюарах”.

Энрике пощипал усики и ответил: “*Подумать только!* Какая жалость, что за такие фантазии не платят деньги”.

— Революция в Мексике — дань моде, — в последний вечер заявил Энрике за ужином с нефтяниками. — Как те дурацкие шляпки, которые носят наши жены. Я не знаю, что вам говорят в Вашингтоне, но эта страна будет трудиться в поте лица за иностранный доллар. — Он поднял бокал. — Сердце Мексики, как верной жены, навеки отдано Порфирио Диасу³.

Сделка была заключена, нефтяники уехали. На следующее утро за завтраком Энрике позволил Саломее посидеть

¹ Дай Бог (*исп.*).

² *Сапатисты* — зд.: сторонники Эмилиано Сапаты Саласара, героя мексиканской революции 1910–1920 годов.

³ Хосе де ла Крус *Порфирио Диас* Мори (1830–1915) — государственный и политический деятель, президент Мексики. В ходе революции был свергнут и в 1911 году эмигрировал во Францию.

у него на коленях и запечатлеть на его губах поцелуй вроде того, в котором трубочка сливается с трубой. Добрый знак, заявила она после того, как Энрике уехал осматривать новый консервный завод. “Ты слышал его слова: “шляпки, которые носят наши жены?”” Теперь ее первой задачей стало перебраться обратно в его спальню. Второй — уволить служанку.

У мальчика же задача была всегда одна — потихоньку улизнуть из дома. Пробраться задними комнатами, через кухню, пройти по длинной аллее деревьев, с которых облетала красная кора, обнажая гладкий черный ствол. По песчаной тропинке пересечь ананасное поле и по низкой стене скал выйти к морю; за спиной рюкзак с книжкой, свертком с лепешками на обед, купальным костюмом и очками для подводного плавания. Никто не видел шагавшего по песчаной тропинке беглеца, кроме Леандро, который смотрел ему вслед, и под его взглядом мальчик даже в одежде чувствовал себя голым. Леандро, каждое утро приходивший босиком из деревни, пахнувший дымом очага, на котором готовили завтрак, но в чистой рубашке, выстиранной и выглаженной его женой. Саломея сказала, что у Леандро уже есть жена и двое детей — один постарше, второй совсем маленький. И это в таком юном возрасте, хмыкала мать, довольная, что кто-то испортил себе жизнь еще быстрее, чем она сломала свою. Если Леандро уже вступил во вторую часть жизни (ту, что с детьми), значит, недолго ему осталось.

Рыбы каждый день приплывали к рифам за кусками лепешки, которую мальчик захватывал на кухне и разламывал на части, пуская свой хлеб по водам. Одна рыба, с носом, похожим на клюв попугая, и огненно-красным брюхом, всегда первой подплывала за ежедневным подаванием, отогнав своих собратьев. Едва ли это был друг. Скорее, кто-то вроде тех мужчин, которые съезжались в гасиенду на бес-

платное угощение и глазели на Саломею в атласном платье с глубоким V-образным декольте.

Саломея составила план наступления. Сперва, проинструктировала она Леандро, мы каждый день будем готовить любимые блюда Энрике. Начиная с завтрака: кофе с корицей, горячие, только что со сковороды лепешки, ананас с ветчиной и то, что она называла “яичницей в разводе”: два яйца на тарелке, одно с неострой красной сальсой, второе — с острой зеленой. Саломея понимала романтику по-своему.

От domu к кухне вела аллея тюльпанных деревьев. С низкими кирпичными стенами, настилами из досок, заменявшими разделочные столы, кухня со всех сторон была открыта морскому ветру, который уносил дым из очага. Столбы по краям держали крышу; в углу горбилась кирпичная печь для хлеба. Нативидад, старейший слуга в доме, почти слепой, каждое утро приходил с зарей, чтобы вымести топку и снова затопить печь, на ощупь укладывая поленья бок о бок, будто детей на кровати.

Леандро приходил, отодвигал уголья к краям, чтобы не напекало середину тяжелого железного противня, и протирал его клочком тряпки, пропитанным топленым жиром, чтобы лепешки не прилипали. Возле банки с топленым жиром стояла большая миска с липким кукурузным тестом; Леандро отщипывал от него шарики и расплющивал в ладонях. От жара на каждой бледной лепешке проступало ожерелье из черных жемчужин. На пышных, так называемых “гордитас”, он вырезал углубления, в которые накладывали пасту из фасоли. Но для “эмпанадас”¹ он раскатывал тесто тонким

1 *Эмпанада* — блинчик или слоеный пирожок с мясом.

слоем, заворачивал начинку в лепешку и клал на сковородку с раскаленным маслом.

Больше всего Энрике любил *pan dulce*¹ из пшеничной муки. Пышные и мягкие, посыпанные сверху сахаром, с ананасной начинкой, сладкие, чуть терпкие от печного дыма. Энрике уволил не одну кухарку, прежде чем появился этот ангел небесный, Леандро. *Pan dulce* испечь не так-то просто. Ваниль должна быть из Папантлы. Муку нужно смолоть на каменной ручной мельнице. Тесто не такое, как для лепешек, — кукурузное, на воде с лаймом, грубое и жидкое. Леандро говорит, что это может любой мексиканец. А вот сухая мука для европейского хлеба — совсем другое дело. Ее нужно смолоть так мелко, чтобы она облачком поднималась в воздух. Самое трудное — смешать ее с водой. Это надо делать быстро. Если струей лить холодную воду на муку — пиши пропало: получатся комки.

— *Dios mio*², что ты наделал?

Ребяческая отговорка: ведро слишком тяжелое.

— *Flojo*³, ты с меня ростом, у тебя хватит сил поднять ведро.

Тесто пришлось выбросить и начать все сначала. Леандро — ангел божий, кроткий и терпеливый, ополоснул руки в ведре с водой и вытер о белые брюки. Я тебе покажу, как это делается. Берем два кило муки. Высыпаем горкой на стол. В эту горку пальцами крошим сливочное масло, сыплем соль и соду. Потом делаем углубление в виде кратера вулкана. Наливаем туда холодную воду. Понемногу, аккуратно сдвигаем горы в озеро, смешиваем воду с берегами, чтобы получилось болото. Постепенно. И никаких островов. Тесто поднима-

1 Букв.: сладкий хлеб (*исп.*) — кекс с цукатами и орехами, похожий на православный кулич.

2 Боже мой (*исп.*).

3 Ленивый, слабак (*исп.*)

ется, пока не останется ни гор, ни озера, лишь огромный ком лавы.

— Вот так-то, *muchacho*¹. Не каждый мексиканец это умеет.

Леандро легонько отбил тесто о стол, пока оно не стало однородным, одновременно мягким и густым. Теперь оно всю ночь простоит в закрытой миске. Утром Леандро его тонко раскатает, порежет мачете на прямоугольники, на каждый положит ложку ананасной начинки, свернет треугольником и посыплет сахаром, вымоченным в ванили.

— Теперь ты знаешь секрет, как угодить хозяину, — сказал Леандро. — Готовить в этом доме — все равно что вести войну. Я *capitan*² хлеба, а ты мой *sergente mayor*³. Если он прогонит твою маму, ты сможешь найти работу, если сумеешь готовить *pan dulces* и *blandas*⁴.

— А что такое *blandas*?

— *Sergente*, ты не должен так ошибаться. *Blandas* — те большие мягкие лепешки, от которых он без ума. Такие широкие, что в них можно запеленать младенца, и нежные, точно ангельские крылья.

— *Si, señor!*⁵ — отдал честь высокий парнишка. — Такие широкие, что в них можно запеленать ангела, и нежные, как попка младенца.

Леандро рассмеялся.

— Тогда уж ангелочка, — поправил он. — Самого маленького.

Двадцать первого июня 1929 года огромная игуана забралась на манговое дерево в патио, отчего Саломея завизжала и вы-

¹ Парень (исп.).

² Командир, полководец (исп.).

³ Старший сержант (исп.).

⁴ Разновидность лепешек.

⁵ Да, господин! (исп.).

скочила из-за стола. В тот же день закончилось и Трехлетнее Молчание, хотя игуана тут была ни при чем.

Причиной тому стала подписанная президентом декларация, отменившая трехлетний запрет на богослужения. Война с кристерос окончилась. Церковные колокола звонили все воскресенье, призывая обратно священников с их золотыми кольцами, земельными владениями и абсолютной неприкосновенностью. Энрике воспринял это как доказательство своих слов: Мексика преклоняет колени перед алтарем, готовая вернуться в дни правления Порфирио Диаса. Настоящие мексиканцы по-прежнему ценят идеалы смирения, религиозности и патриотизма. “И порядочных женщин”, — добавил он специально для Саломеи и процитировал Диаса: “Только у себя дома, как бабочка в стеклянной банке, женщина может достичь высшей ступени благочестия”. Он ожидал, что Саломея с сыном поедет в город к мессе примирения.

— Если он хочет, чтобы я была бабочкой, позволил бы мне остаться дома, в этой проклятой стеклянной банке, — кипела от злости Саломея в коляске по дороге в церковь. Она всей душой одобряла Трехлетнее Молчание. По ее мнению, утомительнее мессы могла быть только необходимость прийти на нее в хлопковых чулках. Саломея прекрасно помнила правление Порфирио и мрачный диктат монахинь, не знавших снисхождения к дерзкой дочери коммерсанта, приходившей в школу в платье, которое открывало щиколотки. Чудесным образом ей удалось сбежать, как графу Монте-Кристо: она отправилась в ознакомительную поездку по Америке, где и подцепила счетовода из фирмы ее отца; бедолага не смог устоять перед ее чарами. Тогда Саломее было шестнадцать, но она легко решила эту математическую задачу, заявив, что ей исполнилось двадцать. В двадцать четыре она повторила тот же трюк, тем самым достигнув равновесия. В новой

ипостаси она приняла имя Салли, как того требовала религия целесообразности. Даже сейчас, когда они уже подъезжали к городскому собору, Саломея закатила глаза и сказала: “Опиум для народа”, повторяя за правительственными мужами, которые пытались изгнать духовенство. Но произнесла это по-английски, чтобы возница не понял.

В церкви теснились фермеры, дети с серьезными лицами, старухи на слоновьих ногах. Некоторые переходили от одной фрески, изображавшей остановки на Крестном пути, к другой, неторопливо вращаясь по орбите толпы, точно планеты. К причастию выстроилась длинная вереница горожан, но Саломея прошла в самое начало и приняла облатку на язык с таким видом, будто это очередь в булочной и ей еще нужно переделать массу дел.

Священник был в накидке из золотой парчи и островерхой шляпе. За три года изгнания его платье ничуть не истрепалось и оставалось таким же нарядным. Все взгляды были обращены к нему, как растения к солнцу; не смотрела на него только Саломея. Она улизнула при первой же возможности, направилась к повозке, велела Нативидаду трогаться и принялась ожесточенно рыться в расшитой бисером сумочке в поисках аспирина. Все, что имело отношение к Саломее, происходило либо из пузырька, либо из бутылки: во-первых, пудра, духи и помада для завивки. Во-вторых, головная боль из-за бутылки мескаля. Ну и лекарство — пузырек с пилюлями от несварения желудка. Быть может, ее танцы под “Виктролу” и модный жаргон двадцатых годов тоже взялись из какого-нибудь пузырька. Притаились где-нибудь под скатертью на столике в ее комнате, помогая прогнать уныние.

Если Энрике ее не любит, заявила Саломея в коляске, то она тут ни при чем и не представляет, чем Господь может

помочь. Разведенная жена пришлась не ко двору матери Энрике, а значит, та и виновата. И слуги, которые вечно все путают. Ей и хотелось бы обвинить во всем Леандро, но едва ли это было возможно. Тесто из пшеничной муки, из которого он пек булки, было превосходным, шелковистым, как белое платье Саломеи, которое, казалось, можно вылить из кувшина, будто молоко; в этом платье она по-прежнему надеялась в один прекрасный день выйти замуж.

А еще, по всей видимости, виноват этот долговязый мальчишка, ее сын, который подсакивает на кочках в коляске, убирает волосы, упавшие на глаза, и смотрит на океан. На верхушке свадебного торта нет места для парнишки, вымахавшего ростом с президента, которого даже не выбирали.

Чтобы добраться до нефтяных месторождений в Уастеке, Энрике нужно было переправиться на пароме на материк, потом доехать на *ranga*¹ до Веракруса и пересесть на поезд. Если его не будет день, значит, и неделю, а лучше бы целый месяц. Саломея хотела сопровождать Энрике в Веракрус, но он отказал, заявив, что она думает лишь о покупках. Вместо этого позволил им приехать в коляске на городскую пристань и проводить паром. В льстивом утреннем свете Саломея махала с причала платком, подталкивая локтем сына, чтобы тот тоже помахал. В пьесе под названием “Энрике думает, как поступить” у обоих была своя роль. “Скоро он объявит нам свое решение, малыш, вот тогда мы сможем вздохнуть спокойно. И понять, что с тобой делать”. Энрике упоминал о пансионе в Федеральном округе².

¹ Лодка (исп.).

² *Федеральный округ* — Мехико и окрестности. Делится на 16 городских районов.